

Воспоминания Наталии Николаевны Смоляниновой о своих детских годах

В виде отдельных эпизодов я помню себя с 3-4 лет. Эти воспоминания касаются лета – дачи в дер. Медведково, которая в то время находилась под Москвой и надо было ехать сначала на поезде до станции Лосиноостровская, а там 2-3 км пешком. Помню еще – идем с тетей Анютой [сестра отца]¹, а по дороге – земляника. Мы жили там на даче 2 лета. Но разделить их по воспоминаниям я не могу. Сохранились лишь общие впечатления от некоторых событий. Очевидно одно из ранних: к нам приехал папа и пошел со мной в лес. Как сейчас вижу – ясный день и широкая заросшая травой дорога, по бокам которой негустой лес. Папа отошел немного вперед и зовет меня: «Наташа, Наташа, смотри, что я нашел». Я подбегаю и смотрю: в траве растет «гриб-пряник» – как в сказке. Я радостно кричу: «Гриб, гриб». Папа тоже доволен, улыбается. Несколько шагов вперед, и опять гриб. Причем сохранилось удивительно яркое видение этого «гриба» и все цветущее и яркое вокруг.

Надо сказать и все другие воспоминания как бы отпечатались особенно яркими, «веселыми».

Праздник «Троица». Я с тетей Анютой иду в церковь. Она оставляет меня внутри, а сама идет в церковь поставить, видно, свечку. Мои воспоминания: блестят купола, а на земле зеленый ковер с большим количеством ромашек. А немного поодаль – аллея (возможно липовая), тенистая, и такая красота... Вот ее-то я и воспринимаю.

Большой пруд, в котором купаются дачники. Меня в нем не купали. И опять же в памяти – красота природы: над прудом плачущая ива склоняет свои ветви почти до воды и плеск воды.

Мамины именины (24 июля). Приехали гости. Все дамы в длинных пышных белых платьях. Пошли гулять, но без меня. И как нарочно пошел сильный, но теплый летний дождь. И вот возвращаются все мокрые в прилипших белых платьях. Запомнила, что вид они имели жалкий, но вместе с тем и смешной. Помню, что больше смеялись, чем переживали. Опять то же самое – в памяти главным образом яркие, в данном случае, белые цветы.

Другие воспоминания касаются дачи тети Шуры. Тетя Шура – папина сестра, сын ее Георгий (отец Оли Горской) и дочь Лида (умерла в 1947 г [не ясно] от заражения крови). У них был большой дом, окруженный сплошной террасой, по которой я с Георгием (он был на 6 лет старше меня) бежали кругом до упаду.

Кроме того у меня там были две подружки (почти ровесники мне), дочки скрипача, который играл в оркестре Большого театра. Моя мама очень подружилась с их мамой (они были армяне) и поддерживала знакомство и в Москве. Я тоже ходила в Москве к ним в гости вместе с мамой.

В Москву из Муром, где я родилась, мама привезла меня двух лет. Мы жили на Б.Ордынке в бывшем Аршиновском доме (Аршинов был известным купцом и меценатом, организатором института ВИМС). Мама поступила к нему на работу в его библиотеку, которая была в том же дворе – саду, где и его два дома, в одном из которых мы поселились. В другом доме он жил сам с сыном. «Наш» дом до сих пор (2002 г.) стоит на своем месте напротив церкви «Николаи на Пыжах» (отсюда название ближайшего переулка Пыжевский). [Н.Н. Смолянинова объединила двух людей Василия Федоровича Аршинова² и его сына Владимира Васильевича³]

Дом был одноэтажный, но с подвальным помещением, где располагалась кухня с большой русской печкой и огромным количеством крыс. Вторая кухня с плитой была на первом этаже, где находились три комнаты. Две комнаты принадлежали нам, а в одной жила семья – муж, жена, сын (Гога, тогда лет 15-16-ти). Он был не совсем нормальный, я только знала, что он почти не говорил, а издавал какие-то непонятные звуки. [Приводится схема жилья].

С этими соседями у меня связано единственное воспоминание: мама с папой на какой-то праздник ушли в гости, а меня оставили у соседей. А у них тоже были гости и угощение, в том числе заливной судак. Угостили и меня, а я была слишком мала, чтобы разобрать косточки, и подавилась. Соседи, конечно, страшно испугались, но сообразили послать за сестрой милосердия. Дело в том, что дальше по переулку, в Марфо-Мариинской обители, жили монашенки – сестры милосердия, и моя мама была хорошо знакома с одной из них, и всегда ее звала, когда я заболела.

Вот и на сей раз та пришла и выгатила тонким пинцетом косточку, которая, по-видимому, недалеко застряла. Потом долгие годы эта «реликвия» лежала у папы на письменном столе на отполированной пластинке магнетита.

С лестницей, которая вела вниз в подвальную кухню, тоже связано событие. Вход в нее прикрывался дверкой, и однажды папа что-то там поправяла, а я как нарочно тут подвернулась, уселась на снятую дверку-калитку и скатилась как с горки вниз. Мама страшно испугалась, как бы я не ушибла позвоночник

¹ - Здесь и далее в квадратных скобках пояснения В.Н. Смоляниновой.

² - Аршинов Василий Федорович (1854–1942) – купец, меценат.

³ - Аршинов Владимир Васильевич (1879–1955) – геолог, минералог, петрограф, изобретатель. Создатель первого частного Петрографического института «Литогеа».

и не осталась горбатой. Водила меня к врачам, но ничего не было обнаружено.

Кроме того, так как в подвале было очень много крыс, то мама решила завести кошку-крысолова. Это была небольшая гладкошерстная белая с черным кошечка, которая действительно оказалась крысоловом. Как потом рассказывали родители, передумала очень много крыс и всегда приносила маме их показывать. Но сама она кончила трагически – ее все же загрызли крысы. Помню, мы все ее очень жалели, и я долго плакала.

Этот «Аршиновский» дом стоял в большом фруктовом саду, где была еще очень уютная круглая по форме беседка (есть фото – я сижу на ступеньках в ней) (рис. 1).

Рис. 1. Во дворе Аршиновского дома, 1926 год.

После возвращения с дачи в Медведково, мама устроила меня в частный детский сад, так как, во-первых, сама она уже работала в библиотеке у Аршинова, а во-вторых, и мне нужны были подружки. Нужно сказать, что я была страшная певунья. Мама говорила, что пока она на кухне слышит голосок певуньи из комнаты, то она спокойна, значит со мной все в порядке. Но в один прекрасный день со мной-то все было в порядке, а вот с обоями нет. Комната не была сплошь расставлена мебелью. Стены были обклеены обоями. Я ходила вдоль стенки и, напевая, одновременно рукой обрывала на высоте своего роста обои. Мама пришла, так и ахнула.

Детский садик был на Пятницкой улице. Из девочек помню только одну – дочку хозяйки этой квартиры. Ее звали Ванда, помню, мы с ней вместе плакали над Дюймовочкой, которую нам читала воспитательница.

В один прекрасный день у меня разболелась голова, поднялась температура и только помню, кажется, чуть ли не одна побежала домой. И как сейчас помню: начала барабанить в закрытую железную калитку и в ворота, которые вели во двор. Этого никто не слышал, и мне не открывали. Наконец, услышала мама, и я, вся в слезах, буквально в истерике прямо рухнула на кровать – это я помню очень отчетливо.

У нас был хороший знакомый детский врач Скворцов Николай Алексеевич – горбатенький, жил где-то

недалеко. [В Интернете нашла список жильцов дома № 25 по Житной улице (находится недалеко от Пятницкой улицы) на 1926 год. В списке значится Скворцов Николай Алексеевич, проживающий в квартире 5 и работающий в Образцовой детской больнице (теперь Морозовской)]. Он пришел и сразу определил у меня скарлатину. Я болела долго и очень тяжело, с осложнениями на уши и на почки. Приезжала из Вологды мама сестра тетя Нина, она по специальности была фельдшером, а во время войны в Вологде работала за врача, а потом была хирургической сестрой. Жила она в Вологде вдвоем с сестрой тетей Аней, которая нигде не работала. У нее был даже ребенок, который умер младенцем. О ее муже я ничего не помню, и кто он был, не знаю. Тетя Нина помогала маме ухаживать за мной. Я капризничала, не хотела принимать лекарства и делать процедуры. Тетя Нина все это делала сначала на куках.

Следующее лето после моей болезни скарлатиной мы жили на даче в знаменитом Плесе на Волге в одном доме с семьей папиного сослуживца Сажина⁴. У них была дочка, мне ровесница или на год старше. Знаю, что мы с ней были не дружны, у нее был очень задиристый характер. Она со мной дралась, и я часто плакала.

В тот год папа приехал раньше из экспедиции в Среднюю Азию (очевидно, это был Казахстан) и привез оттуда черепаху. Когда мы ходили гулять, то брали ее с собой, и в один прекрасный день она убежала, и мы не могли ее найти. Так и вернулись в Москву без черепахи. Но вскоре получили письмо от учителя биологии, что ребята нашли ее и принесли в живой уголок школы. Так она там и осталась. Самое главное, не погибла.

Следующая зима как-то ничем особенно не запомнилась. Я уже ходила в детский сад, но и подружки у меня как-то не было. Дружила только с мальчиком – сыном дворника (есть фото на столе в саду). Мы с ним часто играли в театр, придумывали всякие истории. С мамой я смотрела в театре спектакль «Степка-растрепка». Так потом я ему все пересказывала, и мы по своему играли в этот спектакль.

Очевидно, к этому году относится подготовка к рождеству, когда я с папой клеила игрушки на елку. В то время продавали большие листы, на которых были очень красочные картинки, которые надо было вырезать и склеивать. Это были и домики, и повозки, «запряженные» в лошади, и куклы, и звери. Это были очень радостные, счастливые минуты, проведенные с папой за большим столовым столом (он и сейчас у нас сохранился).

Наступившим следующим летом мама со мной снова поехала в Плес на Волгу, но уже на другую дачу и без Сажиных. К сожалению, это лето было неудачным, и, по-моему, существенно повлиявшим на всю мою будущую жизнь, во всяком случае, на мое здоровье. Дело в том, что я заболела там возвратным тифом. Меня с высокой температурой мама с приехавшей тетей Ниной перевезли в Вологду (где жили мои две тети – Нина и Аня) на пароходе по Волге и по впадавшей в нее р. Вологду, на которой и расположен сам город. Я, видно, была большей частью в плохом состоянии. Помню момент просветления себя лежащей на полке в каюте, и как мама с тетей Ниной мне все время меняли холодный компресс на голове.

В Вологде в доме своих теток я болела долго, у меня было 6 или 7 приступов (чередовалась очень высокая температура с сильной головной болью и промежутками «здоровья»). Думали, что у меня малярия, но даже не сделали анализа крови, в чем себя страшно потом корила тетя Нина. Когда приехали в Москву (я уже поправилась), то наш «домашний» доктор Н.А. Скворцов по описанию мамы и по температурному графику сразу сказал, что я переболела возвратным тифом. Мама потом вспомнила, что хозяйка дома в Плесе, где мы жили, говорила, что у нее перед нашим приездом болел сын какой-то непонятной болезнью, похожей на малярию. Он приезжал к матери на побывку из армии и, очевидно, там и подцепил тиф. А в доме было много клопов, а может быть, он завез еще и вшей, через укусы которых я и заболела.

К сожалению, как я говорила выше, эта болезнь оставила на мне «след» в виде осложнения – заболевание щитовидной железы. Она была у меня сильно увеличена, и последствием была большая моя нервозность, заболевание вегетативной нервной системы, особенное реагирование кровеносных сосудов. Я при малейшем волнении покрывалась красными пятнами, что откладывало отпечаток и на мой и без того застенчивый характер. Я страшно стеснялась, а чем больше стеснялась, тем больше краснела.

Мне уже исполнилось уже 8 лет, и я, по тем временам, должна была пойти в школу в первый класс. Но врач советовал не отдавать меня в школу еще один год, чтобы я немного окрепла. Хотя я уже научилась читать и писать, занималась с мамой в организованной у нас дома группе – два мальчика и две (со мной) девочки – есть фотография (рис. 2).

⁴ - Сажин Николай Петрович (1897-1969) – металлург, один из крупнейших специалистов по металлургии редких металлов и химических веществ в СССР. Академик АН СССР.

Рис. 2. Домашняя группа учеников с учительницей. Стоит слева Наташа Смольянинова, 1926 год.

Следующее лето я провела в дер. Горки (но не Ленинские, а под Серпуховом) на реке Протва, довольно там многоводной, так что на ней стояла водяная мельница, которая запомнилась мне злыми собаками, которые чуть не покусали меня однажды, когда мы с мамой проходили мимо, а они были спущены с цепи. Мама подняла меня на руки как можно выше, и собаки не покусали мои босые ноги. Но испуг я получила хороший (мама, конечно, тоже). А мы с мамой часто ходили на тот берег реки в лес, где ближе к осени было много грибов, особенно подосиновиков. Мама плохо ориентировалась в лесу, а я (как, очевидно, все дети) хорошо, и она всегда говорила, что со мной заблудиться не боится.

В Горках мы жили на втором этаже дома, а у хозяйки были утки (благо рядом была река, где они охотно плавали). Я их кормила, и они, как только слышали мой топот по лестнице (со второго этажа) сейчас же гуськом направлялись к крыльцу, с которого я их кормила. Запомнились там вечера, когда с полевых работ возвращались парни и девушки и пели разные песни. Надо сказать, что я и сама была певунья, у меня был звонкий, высокий голосок, выводивший очень «длинные» рулады, но музыкальный слух у меня был плохой, поэтому я не столько пела услышанные песни с известной мелодией, а просто пела мною самой придуманные мелодии на известные слова. Возможно, если бы сами родители были музыкальными, то отдали бы меня куда-нибудь, чтобы развить слух, но так это и осталось невостребованным.

В школу я пошла, таким образом, только девяти лет. Свою первую учительницу очень хорошо помню, ее звали Александра Калистратовна. Она всячески старалась «побороть» мою застенчивость, давала мне всякие «общественные» поручения. Заметив, что я люблю рисовать, поручала мне рисовать разные плакаты, что я делала с удовольствием. Вообще я была очень усидчивая девочка, и, чем бы я ни занималась, все делала упорно до конца и с удовольствием. Очевидно, эти черты были в генах и сохранились (без всякой скромности) на всю жизнь.

К сожалению, в этой школе у Александры Калистратовны я проучилась только два года, т.к. после первого класса (летом) мы переехали на новую квартиру в Хамовниках, хотя еще один год я проездила на трамвае в Замоскворечье (первая школа была на Малой Ордынке), а в 3-ий класс пошла уже в школу по новому месту жительства.

В первой школе у меня была очень хорошая подруга Нина Стрельцова (ее младшая сестра Наташа). С этой семьей мы (имею в виду и маму) поддерживали долгое знакомство и потом. Ездили друг к другу в гости (они жили на Б. Полянке в большой общей квартире в двух больших хороших комнатах). Я даже иногда оставалась у них ночевать. А когда мы приезжали друг к другу в гости, часто устраивали шумные игры: в прятки, жмурки, салки. Кроме того любили устраивать представления, особенно «балет» – делали себе из цветной гофрированной бумаги юбочки – пачки и продельвали якобы «танцевальные» номера, а зрителями были родители и еще кто-нибудь из проходящих. Кроме того продолжали играть в куклы, шили

и вязали им что-нибудь незамысловатое. В общем, всегда были чем-нибудь заняты.

Лето (второго или, кажется, третьего года) тоже жили в одном месте – в Белопесоцкой слободе на Оке, на противоположном по отношению к г. Кашира берегу. Каждое лето в Белопесоцкой слободе у нас всегда была дружная компания, и во что только мы не играли: в прятки, в казаки-разбойники, в городки, в шарады, т.е. разыгрывали целые сценки с отгадыванием окончательного слова и т.д. Но ходили купаться на Оку и в лес только со взрослыми. Как ни странно, хоть я и жила каждое лето на реке, я так и не научилась плавать, видно, я боялась воды, а не оказалось взрослых, кто бы научил меня (мама тоже не плавала, папа, кажется, тоже).

В Белопесоцкой слободе было много так называемых «бочагов», оставшихся от затопления весной водой р. Оки. Я увлеклась ловлей в этих бочагах водных животных – насекомых, пауков и жуков. Только я очень боялась пиявок. У нас дома всегда стояло несколько банок с водой и разной живностью в ней, за которой я ухаживала и кормила. Отсюда, наверное, первое еще неосознанное влечение к природе.

Папа всегда летом уезжал в экспедиции и у нас в Белопесоцкой слободе был один или два раза и не надолго. В Москве у нас всегда жил какой-нибудь сибирский [неразборчиво] кот, и летом мы забирали его к себе на дачу.

В Белопесоцкой слободе я два раза сильно отравилась (я была уже большая, это было последнее лето в Белопесоцкой слободе, мне было [неразборчиво] 12 лет). Один раз я отравилась куриными консервами, а второй – цветным мармеладом. Тогда были редки конфеты, и когда мама привезла их из Москвы, я набросилась на них и переела; с тех пор я смотрю на такой мармелад с предубеждением.

В третий класс, как я уже говорила, я перешла в другую школу, и, естественно, связь с прежними подругами Стрельцовыми хотя и сохранилась, но была уже не такая постоянная.

Следующим летом мама сняла дачу в с. Усово на Москва-реке (теперь это правительственная зона), а еще следующее лето в деревне Ильинское по той же ветке, где, между прочим, жила семья Евгения Евгеньевича Флинта⁵: его жена Кира Вячеславовна и два его сына Володя и Дима (тогда им было примерно 3–4 года). Володя был старше, впоследствии это известный орнитолог. Он долгое время выступал по телевизору в программе «В мире животных», где он сейчас, и жив ли вообще – не знаю⁶. [На момент написания этих воспоминаний В.Е. Флинт был жив].

Мама тесно дружила с Кирой Вячеславовной – женщиной, умной и образованной и очень симпатичной. Ее муж Евгений Евгеньевич Флинт – известный кристаллограф, преподавал в МГУ и МПРИ. Был необыкновенно способный человек и что называется «на все руки мастер». Его именем назван реконструированный им гониометр Гольдшмидта. Прекрасный фотограф-художник (его фотографии получали премии, в том числе и в Англии), заядлый охотник, первоклассный шахматист, прекрасный художник-резчик по дереву (мне известны очень красиво выполненные шахматы из самшита). Сохранилось стихотворение Евгения Сергеевича Синегуба⁷ по поводу юбилея Е.Е. Флинта.

Их младший сын, Дмитрий, погиб во время Великой Отечественной войны, надо сказать трагически и неапо. Какой-то мало знакомый ему молодой человек попросил на один-два дня оставить у них в квартире чемодан. Ночью явились с обыском, в чемодане оказались краденые вещи. Диму забрали, и как ни хлопотали, особенно Кира Вячеславовна (она работала тогда сама в милиции, в комнате несовершеннолетних), ничего не помогло. Диму осудили (сейчас не помню, на какой срок), но при переезде к пункту ссылки он заболел сыпным тифом и умер. Горе было неопишное, тем более это был младший любимый сын.

Про Володю (старшего сына-орнитолога) я знаю, что первый раз он женился неудачно (не знаю на ком). Кира Вячеславовна была очень расстроена, когда она потом не могла видеть дочку от этого брака, которую принимала и, очевидно, любила. Дальнейшая судьба его первой жены и дочери мне неизвестна. Вторично Володя женился на дочери известного зоолога-океанолога Зеленского⁸. Но здесь я уже ничего не знаю. Моя мама заболела перед войной, а я в общем-то, была далека. Только уже после войны я как-то встретила Киру Вячеславовну в Старомонетном пер. (а они жили на Б. Ордынке). Сам Евгений Евгеньевич уже умер и [неразборчиво] родители тоже, и она позвала к себе посмотреть птиц, которых держал Володя. Флинты жили в мезонине в трех небольших комнатах. Клетки с птицами занимали одну комнату, окном выходящую на крышу выступавшего нижнего этажа. Клетки стояли и на этой крыше. Володя в то время был в командировке, и Кира Вячеславовна показала мне несколько страниц, на которых Володя очень подробно расписал режим кормежки каждой птицы (когда и чем кормить). Кира Вячеславовна все это выполняла

⁵ - Флинт Евгений Евгеньевич (1887–1975) – ученый-кристаллограф, профессор кафедры кристаллографии МГУ, кафедры минералогии и кристаллографии МПРИ, ст. науч. сотрудник Института кристаллографии.

⁶ - Флинт Владимир Евгеньевич (1924–2004) – зоолог, орнитолог, специалист в области охраны природы, профессор, президент Союза охраны птиц России.

⁷ - Синегуб Евгений Сергеевич (1881–1953) – минералог. Друг и соратник Н.А. Смолянинова. Работал во МПРИ, в архивах которого он значится под фамилией Синегуб-Будаков.

⁸ - Зеленский Владимир Данилович (1879 – 1930) – зоолог, паразитолог.

очень честно. Замечательно, что в клетке на крыше у него жил соловей, и Кира Вячеславовна с гордостью говорила, что он даже поет.

Мама периодически оставляла меня в Ильинском одну на попечение Киры Вячеславовны, т.к. этим летом мы переезжали из Пыжковского пер. (где жили после Аршиновского дома) на новую квартиру. Все дома (и наш в том числе) в Пыжковском пер. ломали и давали всем квартиры в другом месте. В Пыжковском пер. был ряд бывших купеческих домов, на месте которых впоследствии построили новые, где находились разные институты, в том числе ГИН, Почвенный и др.

В Пыжковском пер. мы жили тоже в общей квартире вместе с семьей химика Чурина, у которого был сын Игорь (года на два старше меня). Мы с ним дружили, часто вместе играли. Однажды чуть не устроили пожар. [Приводится план квартиры]. Мы играли в какую-то игру за столом, и фишка упала на пол и закатилась за мамину кровать. Игорь полез под кровать, но ничего не нашел. Тогда он взял спички и случайно поджег бахрому покрывала. Моментально огонь перекинулся на скатерть на круглом столике, и уже начали загораться обои. В это время во всей квартире мы были с Игорем одни. Я выскочила в коридор и стала бегать по нему (благо он был очень длинный) взад-вперед как безумная и кричать: «Пожар! Пожар!». Но кто меня услышал? А Игорь убежал к себе и забился там. Но Бог послал нам спасение в лице учительницы по немецкому языку. Нам наняли ее, и она приходила к нам домой. Как раз в это время раздался внизу во входной двери звонок. Я бросилась открывать: пришла она. Женщина не растерялась и сама (без вызова пожарных) затушила (забила) весь огонь. После этого нас, дрожащих, заставила еще с ней заниматься. Реакцию родителей не помню, но Игорю («Бебке» – так его звали), кажется, здорово досталось.

Мы жили на втором этаже – в деревянной надстройке. Низ был каменный (как в большинстве тогдашних купеческих домов). Во дворе был гараж какого-то учреждения, а перед окнами квартиры (с противоположной стороны нашего коридора) стояли какие-то «чугунные» вроде бы пушки, по которым мы, ребята лазали, играя.

Пыжковский пер. был почти непроезжий, и зимой там мы катали друг друга на санках, бегали на лыжах и потом катались даже на коньках (научил меня двоюродный брат Георгий). У меня были «снегурки», которые привинчивались к буркам – высоким теплым сапожкам. В общем, жилось нам привольно.

С Пыжковского же переулка в 1928 г. я пошла в первый класс в школу, которая находилась на Малой Ордынке. О первой своей учительнице я писала выше. Школа находилась довольно далеко, и помню, что весной, когда текли ручьи (как раз по направлению уклона) к нам, я с другими ребяткишками пускала бумажные кораблики, подгоняя их прутиками; удовольствие, которое испытывала, помню до сих пор.

Папе, как и всем бывшим жильцам в Пыжковском пер. должны были предоставить отдельные квартиры. Но предназначенные для этого дома не были еще готовы, и нас переселили из дома в дом. Сначала нам дали одну комнату на первом этаже на нынешней улице Кооперативная на Усачевке. Как раз оттуда я еще год ездила на трамвае во второй класс своей прежней школы. Потом мы переехали в Языковский пер, тоже в общую квартиру (была еще одна комната, куда поселили семью Шмаковых – мужа с женою, тоже из Пыжковского пер., только из другого дома). У нас было две комнаты, довольно уютных, но небольших, проходных. Оттуда я перешла в другую школу – в третий класс. В это время строился дом, в который нас поселили потом уже окончательно. Это было в 1931 г.

Надо сказать, что школу, в которую я поступила (она, кстати, была единственной в ближайшем районе) территориально все время перебраивали из одного здания в другое. Третий и четвертый классы я училась в здании на Олсуфьевском пер, где сейчас находится вьетнамское посольство. Вокруг был большой сад, где осенью и весной мы проводили перемены. Пятый класс я училась на Б. Пироговской улице в здании, выстроенном в некоем оригинальном стиле. Шестой класс прошел в небольшом 2-х этажном здании во дворе Олсуфьевского пер. (оно и сейчас существует). Седьмой класс – опять в теперешнем здании вьетнамского посольства. Восьмой, девятый и десятый классы я училась в новом, только что выстроенном здании школы № 39, которую я и окончила в 1938 году.

Я не отличалась какими-то выдающимися способностями. Но училась хорошо и с удовольствием. Была очень старательна и усидчива. В шестом-седьмом классах особенно любила сочинять на заданные слова вольные сочинения или просто фразы (всегда они были у меня очень длинные, и я вкладывала много фантазии – к сожалению, ничего не сохранилось). Вообще я была большая фантазерка. Может быть, этому способствовало то, что я росла одна и постоянных сверстников, с которыми я бы разговаривала, не было, поэтому я вечно про себя (не вслух) придумывала себе всякие истории.

Кроме первой учительницы Александры Калистратовны, сохранились самые теплые воспоминания об учительнице по биологии (пятый класс) – Г., об учительнице по химии – Павалок, в которую я буквально была влюблена, об учительнице по литературе (восьмой, девятый и десятый классы) – Живульд [вероятно Живульд], очень культурной образованной женщине, страстно любившей литературу и нам привившей любовь к ней, о пожилом учителе математики (тоже в восьмом, девятом и десятом классах – учителя старого типа, заставлявшего всем своим «культурным» видом себя любить и уважать. Еще надо сказать о Юлии Ивановне Поповой, которая учила нас в 3–4–5 классах математике и вообще была в это время нашим классным руководителем. Мы ее очень уважали и даже побаивались. Нам кто-то внушил, что она все всегда

видит, что мы делаем, и с боков и сзади, что от нее ничего не утаишь, и мы в это свято верили.

Ее старший сын Лева учился в моем классе в 8-9-10 классах. Но он был страшный лентяй, и вообще оказался весьма неудачным. После школы он попал в какую-то историю (с воровством) и был осужден. Младший сын Юлии Ивановны был от второго мужа. Но он (его звали Кирилл) трагически погиб (ему было 10-11 лет) от случайного выстрела из ружья или пистолета, который вынес во двор его же малолетний приятель. Трагедия была ужасная.

После пятого класса летом мы даже жили на одной даче с Юлией Ивановной. Тогда ее Кириллу было 1.5-2 года, а Лева был ровесник мне, и мы с ним и с няней (была у Юлии Ивановны) ходили часто в лес за грибами. Лето выдалось очень грибное, а жили мы в прекрасном месте под Звенигородом напротив монастыря. Лес тогда был близко, большой и хороший. Грибы сушили в русской печке.

[На этом воспоминания обрываются].